

18+

ИВАН КАЛЯГИН

ВИСЕЛИЦА

С ДАНТЕ НА ВПИСКЕ

Иван Калягин

Виселица. С Данте на вписке

«Издательские решения»

Калягин И.

Виселица. С Данте на вписке / И. Калягин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850717-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Виселица — это последовательный рассказ в стихах, который фокусирует внимание читателя на прошлом, настоящем и будущем. Каждый текст — компонент мозаики, мироощущения и тревожного взгляда. Каждый текст — попытка взглянуть правде в глаза, опираясь на абсолютно субъективную картину мира. Правда лежит на поверхности, но от читателя потребуются смелость и доверие, чтобы увидеть ее очертания. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-850717-5

© Калягин И.
© Издательские решения

Содержание

Виселица	6
От автора	7
Потерянная поэзия	8
Пылевое	10
Хороним живых, выкапываем мертвых	10
Отпуск на небеса	11
Когда просят совета	12
Не спасай	13
К смерти	14
Перебрал	15
Пята	16
Амбиции и возможности	17
Три линии	18
Твоя собственная социальная ячейка	20
С Данте на вписке	22
С Данте на вписке	22
Разговор со старым бессмертным	23
Наше время уходит	24
Сатир со сломанной флейтой	25
Война ветра	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виселица С Данте на вписке

Иван Калягин

Корректор Станислав Зубарев
Дизайнер обложки Гюстав Курбе

© Иван Калягин, 2017

© Гюстав Курбе, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0717-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виселица

От автора

Я не пишу для того, кто познал поэзию во всех её проявлениях. Я не пишу для заносчивых блядей и профессоров литературы. Я не пишу для тех, кто мозг свой вогнул в плоскость, которая говорит куда вставлять, откуда вынимать и где лизать. Я пишу для тех, кто ценит слово, сказанное в момент, когда его обрывают. Виселица – это волна, которая разбивается о краба, что стоит напротив и, будто бы вызывает на бой целый океан. Это летчик-камикадзе, который врзается в американский линкор. Это пуля, которая вырывается из дуэльного пистолета и попадает в сердце пьяного любовника. Это момент, когда становится ясно, что ничего никогда не будет ясно – всё в дыму, тумане, грибовидных грезах и сексуальных мистериях. Все в тебе – хаос, смешение, разрыв, отступ, преступление, жажда, мотив, порно, жизнь, героин, дракон, пульс, желание, виселица.

Потерянная поэзия

Не будет секретом тот факт, что поэзия сегодня – это либо интеллектуальный андеграунд в высшей степени, либо терапевтическое средство для людей, которые хотят высказаться. Причем высказаться, как правило, самим себе. К сожалению, поэзия потеряла ту ядовитую прелесть, которой она обладала в XIX или даже XX веке.

Литературоведы просто скажут, что она «эволюционировала», стала иной – развлечением «не для среднего ума». На мой взгляд, если говорить о России, то все гораздо проще – поэзии выбили зубы, поэзию обоссали и оставили валяться в канаве. Она ещё существует и, я надеюсь, она существует даже на этих страницах. Но меня тревожит то обстоятельство, что весь поэтический дискурс стал объектом издевательств узкой прослойки населения, которая именует себя специалистами. Это не обязательно критики (даже критик может быть человеком). Я говорю о том, что внезапно поэзия была украдена у человека и передана в руки условного интеллектуала, который «знает». Знает, как писать, как чувствовать, как сочинять и как интерпретировать.

Если смотреть на весь российский поэтический процесс, то мы увидим, что вся поэтическая жизнь кошмарно походит на жизнь лженаучного сообщества, которому не впервой находиться во власти догматов. Лжеученые также выстраивают концепции, которые в системе своих координат приобретают логичный, справедливый, правильный и даже «доказуемый» вид. Но в их концепциях нет места сомнению, отчего лженаука остается лженаукой.

Мне видится, что понимание поэзии также превратилось в нечто лженаучное. Это действительно парадоксальное сравнение, но сложно описать ситуацию иначе. Повезло, что это лженаучное представление имеет тысячи лиц, отчего два литературоведа никогда не договорятся между собой, ведь у каждого «своя истина». При этом, каждый из них будет стремиться к некой объективности – состоянию, которое в своей природе предполагает самообман, ложь высшей пробы.

Но поэзию, как и любое искусство, нельзя пропустить через мясорубку объективности. Если это сделать, то от неё ничего не останется. Возьмем ли мы древнегреческий эпос, средневековые песни, стихи проклятых поэтов, либо тексты Эзры Паунда – без разницы. Каждый текст интерпретируется и оценивается совершенно уникальным образом, что исключает саму возможность подлинного объективного анализа. Однако, всегда существует опасность мифической объективности, которая и доминирует в головах многих людей, увлекающихся поэзией.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что любому читателю следует пользоваться лишь одним инструментом восприятия – фильтром абсолютной субъективности. Я бы даже сказал, что это следует делать любому умному читателю, ведь глупого читателя легко увести за собой, исказив его собственный опыт. Отсюда и рождается ложное ощущение причастности к интеллектуальной элите, которой сложно по достоинству оценить новый роман Стивена Кинга, зато легко испытать «интеллектуальный оргазм» после чтения какого-нибудь маргинала-правозащитника, который вдруг написал «тонкую и чувственную» книгу.

Это печально – людей водят за нос, а свободных читателей остается не так много. В итоге мы имеем то, что имеем. Есть два стула: на один сядешь и станешь «интеллектуалом», сядешь на другой – станешь «популистом и быдлом». Я предлагаю просто не выбирать.

Поэзия не нуждается в посредниках. Она должна идти напрямую в читательские щупальца и пасти, которые готовы разорвать листы в клочья, либо сожрать страницы, пенясь от удовольствия. Только субъективный взгляд читателя способен по достоинству оценить силу текста. Проблема лишь в том, что читатель, дабы ощутить значимость или ничтожность текста, должен сбросить свои одежды, которыми он прикрывается в «приличном и цивилизованном» обществе. Он должен отвергнуть знания, опыт и авторитеты, иначе поэзия не случится, иначе её не ощутить.

Глобализация препятствует этому – она создает центры силы, которые уничтожают индивидуальное восприятие реальности. В итоге мы обнаружим, что среди десяти тысяч людей, которые прочитают один и тот же стих, образуется не больше десятка мнений, каждое из которых будет продиктовано центром силы – диктатом коллектива, но никак не личным мнением.

Но почему люди так боятся своего личного мнения? Все просто. Оно кажется им глупым, непрофессиональным, аморальным, либо напротив – слишком традиционным (страх зависит от того, в какой среде находится индивид). Эта боязнь подпитывается религиозными, политическими, общественными и культурными авторитетами, которые транслируют, зачастую даже не свою картину мира, а картину мира обезличенной системы.

Да, мы можем видеть совершенно разные точки зрения на конкретного поэта, но каждая точка зрения – это идея, которая рождена множеством, а не единственным. Но ценность поэзии не определяется группой, догмой, правилом и общественным мнением. Настоящая ценность определяется личностью – частным восприятием текста, который может казаться настолько «неправильным», насколько общее мнение кажется «логичным и справедливым».

Если новое поколение читателей приблизится к подобному восприятию хотя бы на шаг, то реальность привнесет в нашу жизнь по-настоящему сильных авторов, которые проживают свои тексты, а не пишут их для литературных премий и местных тусовок. Это нужно, чтобы перешагнуть через пагубную эпоху некрофилии – плачу по умершим поэтам. Это нужно также затем, чтобы восстановить кровоток «от автора к читателю», вместо «от автора к автору» и «от читателя к читателю».

Литературный процесс гниет изнутри, отвернув от себя как поэтов, так и сопереживающих поэзии. Поэзия сегодня – это поэзия, которая не сможет затмить имена мертвецов. Она предпочитает тешить свою самолюбие и самолюбие критиков, но боится стать частью ада. Однако, стоит ей снова впиться клыками в индивидуалистов, которые способны читать самостоятельно, а не по указке иного мнения, то она (поэзия) получит шанс на воскрешение.

Пылевое

Тексты о жизни, смерти, обычаях – о человеческом, а также о том, что каждый видит вокруг себя.

Хороним живых, выкапываем мертвых

Похороны, утро.

Плачут люди.

Жаль им мертвеца,

Остывшее тело им жаль,

Труп им жаль!

Отдают почести мертвой плоти,

Которую никогда при жизни не знали.

«Был хорошим парнем!» – говорят

Плачут снова, потом стопочку опрокидывают —

«За его здоровье! За его смерть!

А где тут закусочка? А есть ли добавка,

Чтобы насытить наши желудки?

Хорошим, хорошим был человеком!»

Похороны та ещё лажа

Если они не проходят под звуки джаза,

А твой прах не выстреливают из огромной пушки

В звездное небо,

Где обезумевшие звёзды

Смотрят на не менее обезумевших людей.

Отпуск на небеса

Ночью я разолью вино в постель,
А утром отправлюсь в дорогу.
После – будет работа
Но уже в другом городе.
А ещё позже – любовь истязующая,
Но уже с другой девушкой.
Когда-нибудь дойдет до старческой болезни
Я сменю десятый дом.
Когда-нибудь дойдет до инфаркта,
А мне никто не поможет.
Покалеченный и страшный,
Несчастный и глухой,
Бедный и злой.
Три четверти бутылки следом
И вот оно – отпуск на небеса.

Когда просят совета

Хотел бы я знать наперед,
Что все твои мечты сбудутся,
Что высохнет болото, да тучи растают.
Но, детка, я этого всего не знаю
И моё слово не дороже
Слова маргинала из мусорных баков,
Что таскает водку с полок супермаркетов.
Не лучше я священника,
Что обещает то смертные муки,
То блаженство – в зависимости от настроения.
Хотел бы я знать,
Что тебе повезёт
И всё в твоих руках.
Но никто не застрахован
От случая, нелепой аварии
Или ножа в тёмном переулке.
Никто не может сказать тебе,
Что делать стоит,
А чего делать нельзя.
Просто иди туда, куда шла.
Или оставайся там, где ты есть.
Или просто мечтай – живи.
Больше ничего от тебя не требуется.

Не спасай

Не спасай утопающую.

Она рада не будет!

Вызовет полицию,

Обвинит тебя

Во всех бедах своих:

В бестолковости жизни,

Неудачах в любви,

В неумении трахаться,

И в своей широкой кости.

Ничего ты не сделаешь с этим

А если осмелишься держать оборону,

То станешь не просто ублюдком,

Но и, чего таить – монстром-насильником

С пятидесятой улицы,

Что смотрит за детьми

На детской же площадке.

Да и вообще – антисоциальным

Элементом, преступником, дерьмом.

Хуже либерала и гопника

Вместе взятых.

К смерти

Ночное корыто
Стоит и забито
Звук странной трубы
Меня отвлечет
Перепонки мои
Сестры мои
Упали во сне
И остались лежать
Тьма их рассудит
Ведь им она мать
Ночное корыто
Дырявое сито
Кровавые сгустки
Забились все в нём
Сегодня мы будем
Отдыхать и бояться
Лежать на кровати
Нас мир унесет
Налей лишь напиток
До самого края
Умерь аппетиты
Хотя бы до мая
А после хоть в гроб

Перебрал

Растворилась ночь в источниках.

Истерия уличная, десять баров обесточено.

Свечи обжигают пьяные руки.

Голос жалостливый, хрипящий;

Опять избивают суки.

Ползком до дома, пьянь.

Ползком до дома и машина встречная

Светит в глаза, слепит.

Несётся на безбожной скорости.

Потеря зрения, потеря сознания.

Тело как мешок дерьма.

Скинули на обочину, зарыть не успели – живое.

Убежали в чем мать родила, не завершили дело.

Звёзды смотрят на дорогу, полумертвый усмехается

Вслед горящим фонарным столбам.

Он излучает тень и оставляет пятна крови на асфальте

И влажной зеленой траве.

Хрустит пальцами в предвкушении нового дня,

Но солнце не торопится взобраться на землю —

Ему лениво, оно оттягивает этот момент каждый раз.

А человек с переломанными ребрами, задыхаясь,

Хохочет. Бросая смелый взгляд вверх —

Он знает, что не умрет сегодня.

Пята

Мы слишком долго бороздили ночи,
Пропитываясь соком энергетических напитков,
Который доводил наше сердце до шума схожего с мотором.
Мы слишком часто впадали в буйство —
Пьяное и сумасшедшее нечто,
Которое делало нас ничтожными в глазах любимых.
Ахиллесовой пяты у нас нет, ведь конечность отрублена
Где моя пята, что принесла столько бед?
Где моя вода, что утолит жестокую жажду
последних трех лет?
Нет её. Мы пропитались запахом сырой земли
Легли у блестящей плиты и очнулись
Постаревшими юношами.

Амбиции и возможности

Короткие руки

Дотянуться не могут до облака.

Самолеты разбились о скалы,

В заливы упали ракеты.

Отрубили по локоть —

Беспомощные теперь, как дети.

Ребята-зверята, вы чего печалитесь?

Разве мать говорила, что зефир будет вечен?

Разве думали вы, что мир – это большое игровое поле,

Где веселье и радость станут спутниками юности,

отрочества и инвалидной коляски?

Скорее уж поле для гольфа, где все мы белы и круглы.

Нас бьют, загоняя в дыры и бильярдные лузы,

Нас тащат и давят, соскребают с асфальта!

Все мы талантливы, но каждый талантлив втройне —

Так думать приучили с пеленок,

Но короткие руки остались короткими,

А облако по-прежнему далеко.

Пройдет немного времени,

Когда оно расплывется по небу и станет ничем.

И нагота войдет в наше сознание,

Чтобы соединить мысли с пылью.

Смоет их океан.

Три линии

Три линии выстроились вертикально —
То огни высоток, возведенных в прошлом году.
В них никто не живет, лишь делят метры,
Делят кровать поровну, а иногда и с долей эгоизма,
Выпихивая партнера за борт, вываливая его в пыли пола.
Но свет горит, улыбается нам холодно
Не так как солнце – яростно, тотально,
А понятнее, ведь этот свет имеет родство
Со всем человечеством.
Мы сами его выковали в кузнях разума
Заменяли им беспощадное солнце,
Которое медленно убивает планету.
Мы эволюционировали и стали
Владельцами этого дома.
Беспечными, но всё же владельцами.
И когда поднимается рой саранчи
Грезящий о зеленых лугах,
Деревьях-исполинах,
Чистых озерах и реках,
То я вспоминаю три ярких линии света
Которые отражаются в лужах, что видны
С 12-го этажа многоквартирного дома.
Их свет – теплее солнечных лучей

Которые последние две сотни лет

Только обжигают нас.

Твоя собственная социальная ячейка

Слишком молод, чтобы уйти в загон
И слишком стар, чтобы сойти с пути.
Откуда эта блядская надежда
На спасение от скотобойни?
Черт знает —
Именно он!
Глупость и мечта раздирают четыре пути на два
А два на один,
Один крошит пополам,
И от одного ничего не остается.
Лишь только шанс – просто уйти,
Но и его нет, если присмотреться,
А если присмотреться глубже —
То я в полной заднице.
А потом долги
И ипотека,
И женщина, которая не любит,
И дети, которых не люблю я,
И мертвые предки, которых я не успел полюбить
Остаётся только бутылка
Да пару сотен стихов,
Которые меня просто презирают.
Тварь, которая держит виски

Рождает что-то странное

И пытается понять этот мир.

Ничего не понимает, идиотина.

Кто-то хочет кинуть в меня камень,

Но я успеваю кинуть камень в него,

Разбиваю челюсть

И режу острием грудь.

С Данте на вписке

Это путешествие, которое требует от тебя определенной подготовки, но я верю, что ты справишься.

С Данте на вписке

Свалился в люк

По дороге домой

Под люком изба

В ней черти жарят ангелов

И все дружелюбны

Друг с другом

Напитки дешевле

Чем где бы то ни было

Еда не нужна

На вертеле Гавриил

На кольях апостол Пётр

А черти не так уж

И отличаются от людей

Да и ангелы

Тоже.

Разговор со старым бессмертным

Я вином напоил его.

Тогда и рассказ услышал:

О торчащих сосках его нимфы

О кричащих цветах её мысли,

О земле, по которой скакали

Кентавры, сатиры.

О том пении, что лилось

Мёдом в уши.

Но потеряны земли

Голоса все охрипли,

Всех кентавров пустили на кожу,

А нимфы сегодня

Смертоносней древних вампиров.

И, поверьте, гораздо страшнее.

Наше время уходит

Великаны не сгнули
Они не ослабили хватку
А продолжают пожирать молодых
Их стало больше
Грязные, наглые мрази
Не знают человеческих душ,
Лишь выжимают их без остатка.
Наши тела – сосуд для великанского пойла
Они смотрят на нас с телеэкранов
Они смотрят на нас с YouTube.
Они видят наши счета,
Наши лица, когда мы оплачиваем их
Наши лица, когда мы оплакиваем своих
Легионы карликов с громадными тенями
И мы – трясемся от страха,
Пахнем безразличием и статичностью
Растеряли достоинство предков
По пути в мнимый рай
До абсурда страшимся мертвых скрижалей
И совершенно разучились
Стрелять из пращи.

Сатир со сломанной флейтой

Костры поднялись на опушке

В них люди корчатся

Уже обгорелые, страшные

Не по своей воле они горят

Но по своей воле они последовали за палачами

И будет им страдание уроком

Достаточно сатиры пытались вразумить их

Достаточно пели песни, открывающие врата

Никто их не слушал, их сиринги давно погребены

Под прахом тысячелетий, под копытами военных машин,

Под маршами наивных пацифистов.

Так слушай теперь, человек

Песнь истязаний и кнута

Ты вертишься в огне

Тщетно соблазняешь нас танцем

Наследие твоё – дерьмо и кости.

Война ветра

Война ветра

Стонут порывы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.